

*Chemiaana
Mureeba*

TALU

Светлана Михеева
Тело (сборник)

«Геликон Плюс»

2015

УДК 832.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

Михеева С.

Тело (сборник) / С. Михеева — «Геликон Плюс», 2015

ISBN 978-5-00098-020-0

В этих рассказах вы найдете и сказку и действительности, которые переплетаются самым естественным образом. Герои, обычные люди, кажутся чужаками, но лишь оттого, что действительность задела их своим особым, волшебным краешком. Они догоняют свои мечты, совершают поступки, бегут от самих себя. Автор отпускает их в свободное плавание, лишь изредка проникая в повествование под видом непричастной силы.

УДК 832.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-00098-020-0

© Михеева С., 2015
© Геликон Плюс, 2015

Содержание

Бобы	6
Тётенька и слон	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Светлана Михеева

Тело (сборник)

Книга издана при поддержке Союза российских писателей и Министерства культуры РФ

© С. Михеева, текст, 2015

© «Геликон Плюс», оформление, 2015

* * *

Бобы

Люда Георгинова шагала по бульвару, мокрому от первого, мелкого, почти случайного октябрьского снега – и ничего вокруг не замечала. Она переживала всеми фибрами своей красивой и возвышенной души. Полчаса назад она возненавидела чебурашек.

На голову ей опускались красные и желтые листики, ветер нежно сдувал их, теребил Людину челку и целовал изумленные обиженные глаза. «Чертовы чебурашки! Гнусные дебилы-ные чебурашки! Ненавижу чебурашек! – думала Люда. Вообще она редко думала такими экспрессивными образами. Люда была учительницей младших классов, дочерью учительницы младших классов и внучкой директора школы. – Мерзкие, сопливые, тупые чебурашки! Отвратительные прыщавые пубертатные чертовы чебурашки!» – несмотря на свое благородное происхождение, ругалась Люда. И у нее на это имелись все основания.

Она двигалась как красивый большой кленовый лист среди других кленовых листьев. И скоро убаюкивающие движения ветра успокоили ее расстроенное существо. Люду понесло вместе с остальными листьями по бульвару, казалось, она упадет, остановится где-нибудь, зацепившись ручкой или шейкой за фонарный столб или за скамейку – и останется лежать до утра, пока дворник, усатый, оранжевый, источающий запах пожарища, не шаркнет метлою. И листья, а с ними и лист Люда, вспорхнут – и затрепещат в костре. Ой! Люда вздрогнула, представляя, как погибает сначала ее хвостик, потом пластинка листа. Ой! Люду затошнило, закачало. Она схватилась за дерево и, обнявши его плотное тело, простояла с минуту. Организм ее медленно успокаивался. «Интересно, как называются дети чебурашек?» – подумала расслабленно Люда, мягко оглушенная неподвижностью дерева. Следующую половину часа – пока добиралась пешком до дома – она воображала себя деревом.

* * *

Тем временем на улице зажглись зеленоватые фонари. Тем временем затеплились окошки в муравьиных многонаселенных домах. И Людочка, засмотревшись на окошки, за которыми происходила разнообразная, иногда завидная жизнь, наша Людочка, в зеленом блеклом фонарном свете не разглядев перед собою ничего, опрокинулась в лужу! Она торчала из лужи бегемотом-альбиносом, белое нарядное пальто сразу напиталось печальной осенней водою.

Бывает, что хочется зареветь – громко, протяжно, соревнуясь с сиреною воздушной тревоги. И многие дамы не преминут взвыть этак, не преминут поколебать барабанные перепонки окружающих отчаяньем своей души. И даже без особого на то повода. В смысле, повод, конечно, есть. Но понятен он лишь самой даме, а всем прочим – даже и прочим дамам, которые оказались в зоне поражения, – не всегда очевиден. Например, был случай, когда жена одного человека нашла у мужа в кармане золотую сережку неизвестного происхождения... Или, лучше, вот – муж одной профессорши, Каблуковой Зинаиды, ночью пришел домой с шестью друзьями и ящиком пива смотреть футбол... А можно рассказать про Катюку, не знаю как фамилия, со второго этажа, ее в тот вечер все слышали – супруг у нее в тот день принес домой зарплату... Или нет, лучше всего рассказать про молодую жену Таню Леденцову, которая пришла однажды домой – а там в ванной Оля Миклухо-Маклай моется ее банными принадлежностями! В общем, повод у каждой свой. Так вот у Люды Георгиновой повод был немаловажный. И когда женщина с немаловажным поводом опрокидывается в лужу пустым ведерком, да еще будучи при этом в бальном пальто, да еще при свидетелях, что она делает? А вот Люда недаром была внучкой директора школы. Она отжала полы пальто и молча – из ее рта не вырвалось ни звука – пошла к своему подъезду. Губы у нее, правда, дрожали.

Еще бы им не дрожать. Она, Люда Георгинова, женщина вполне настоящая, в отличие от всяких там плюшевых животных, не без достоинств и самостоятельная, вынуждена теперь мучиться и страдать неизвестно почему, за какие такие провинности?! Люда вошла в свой подъезд и там, укрытая от любопытных глаз, наконец тихо, как мышка, расплакалась.

От батареи несло казенным теплом многоквартирного дома и еще крысами. Пахла вдобавок свежая краска, коей покрыли, как зеленкой, взбунтовавшуюся от влаги и времени старую краску. Закрашенные места напоминали язвы и наводили на Люду медицинские размышления. И от этого ей становилось еще горше.

Зашла в подъезд Катька со второго этажа, поздоровалась, подозрительно пригляделась. Люда наклонилась, делая вид, что поправляет сапожок, поздоровалась тоже. А когда Катька захлопнула дверь квартиры, Люде подумалось, что по большому счету, рыдать ей не с чего. Бывает, знаете ли, значительно хуже! А у нее же, Людочки, для достижения счастья имелось практически все.

У Люды Георгиновой были муж и дача, где она выращивала клубни и плоды. Люда любила выращивать – хоть котят, хоть картошку, хоть детей. На поприще выращивания детей – правда, чужих – Людмиле Георгиновой не было равных. Поэтому она считалась человеком крайне уважаемым, хотя и довольно молодым. Вот и мечта ее грозит сбыться в самом скором времени. Так что рыдать определенно не с чего.

Так Людочка подумала. Такие мысли утешили ее. И, освобожденная от тяжести отчаяния, Людочка заревела громко и свободно, извергая водопады слез.

* * *

Катаклизмы природы и техногенные катастрофы всегда миновали город, где Люда Георгинова обучала детей доброму и вечному. Жизнь текла медленным и сладким киселем. Текла медленной широкой рекою, текла, ничем не меняясь, при Людиной бабушке, потом при маме – и дальше будет течь, еще долго после Люды, после всех нас. Этот факт был приятен молодой женщине, которая, подобно большинству женщин, тяготела к постоянству.

Осень стлала тяжелые желтые ковры, ветра завивали дымы в частном секторе, пробрасывал уже и снег. А Люда покупала семена и готовила картонные стаканчики для весенней рассады. И если бы не чебурашка, она – абсолютно точно! – была бы самым уравновешенным человеком на свете.

Муж выращиванием не увлекался – особенно детей. Ему нравились долгие командировки, и Люда имела значение только в промежутках. Во все остальное время, знала Люда, имела значение беленькая сослуживица Вероника Степановна, кокетка и велосипедистка. На удивительную попу велосипедистки заглядывались все, даже – завистливо – и женщины. Люда вздыхала, но горевала в меру. Муж ей достался случайно, так что, по справедливости, когда-нибудь должен был так же случайно исчезнуть. В высшую справедливость, карающую и распределяющую, Люда верила безоговорочно.

Муж достался Люде на тридцатом году ее жизни. Подружка однажды скоропалительно вышла за морячка и укатила к морю, освободив съемную квартирку, а в ней – бой-френда Олега Валерьевича. Люда пришла забрать кое-какие вещи из подружкиного жилища и, обнаружив там ничейного теперь мужчину, оставила его при себе, чтобы успеть до тридцати, как рекомендуют врачи, завести младенца. Олег Валерьевич женился на ней в злости, подружка ведь вышла за морячка.

Людочкина свадьба отгуляла пышно, с разбитыми стеклами и рукопашной. Но вот детей у молодых все не было и не было. Так что Людины надежды не оправдывались. Олег Валерьевич опомнился от своей злости очень скоро, стал работать в три раза больше и приходил домой в основном на ночевку. А также отходил в надежных Людиных руках от похмелий и про-

студ. Больше ему от Люды ничего не хотелось. Да и Люде с течением времени муж все больше мыслился как факт. Расходиться же они не спешили, все было недосуг. Ей муж хотя бы нравился. Она же ему, по-видимому, в женском смысле не особенно. Только как личность – потому что хорошо готовила и дом держала в порядке, умела одеться, была мягкой и не приставучей. Последнее Олег Валерьевич особенно ценил и называл жену Людочкой. Фамилию после свадьбы Людочка оставила родительскую.

Люда мужа особо не беспокоила. Он состоял при ней как кот, которого она кормила и ласкала, когда тот являлся, нагулявшись. И безо всяких обид. Только вот кот попался не плодитый. И это удручало. Люда твердо решила плодиться. Но плодиться она хотела от мужчины, чтобы не стыдно было потом перед ребенком. Чебурашки в отцы не подразумевались. А вот судьба возьми да и надсмейся над ее простенькими мечтами. Возьми да и столкни как раз с представителем этого говорящего вида.

* * *

Он появился не случайно. Он ждал именно Людмилу. Хорошенький, хоть и чрезвычайно лопухий практикант пединститута хотел выпросить у нее лишние часы практики, на халяву, без отработки. Учительница (которая про себя называла этого студента чебурашкой) посмотрела ясным взором и мягко сказала: «Нет». Студент стушевался – он еще не привык по-взрослому разговаривать с учителями и робел. Он смотрел на нее грустно, жалобно, совсем по-детски. Во дворе школы благоухали цветущие груши. Не зная, как восстановить нарушенное им равновесие, лопухий студент случайно пригласил Люду в кино. Груши валялись под ногами, гнили, испускали запах брожения. Грушевый пьяный аромат, вероятно, и поверг ее в истому. Люда, наглотавшись забродившего воздуха, пошла в кино, а потом вдруг – в гости. Как вышло все остальное, Люда объяснить себе не могла. Ну вышло и вышло... Но теперь Люда подозревала у себя беременность.

К счастью, получив отметку о состоявшейся практике, юноша больше не появлялся в школе, где работала Люда. В ином случае Люда совершенно бы растерялась, не представляя, что делать с ним дальше.

Впрочем, она и теперь была растеряна – Люда Георгинова шла к доктору. Стук ее каблуков разносился по больничному коридору тревожным эхом. Доктор был чуткий человек, однако порицал абортниц. Людмила Константиновна и сама порицала их. Но ведь она не виновата, что даже чешуйчатые пубертатные чебурашки могут зачинать детей. Но с другой стороны, ей уже тридцать пять. Ей уже тридцать пять! Почти шесть лет брака коту под хвост!.. Люда, зарывчав, как уссурийский тигр, рванула на себя дверь кабинета.

* * *

У доктора в кабинете рыдала лохматая девочка. Люда вздрогнула от неожиданности, поспешно прикрыла дверь и устроилась в коридоре. И стала смотреть на беременных в соседних креслах. Ей казалось, что они собрались бодаться животами. Животы их едва умещались под одеждой. У одной беременной была видна широкая впадина пупа. Люде казалось, что из пупа сейчас вырастет до неба боб и по бобовой лиане спустится на землю ребенок. Нет, лучше два ребенка – уж очень живот большой. Такое обещание пусть даже и чужого плодородия было приятно Люде.

Доктор был пожилым, сухопарым и веселым человеком, лечившим еще Людину маму и принимавший саму младенца Люду. Так что Людин организм был ему знаком очень хорошо. Доктор и мама дружили в юности.

– Ну, с чем пришла? – доктор, уютно, по-стариковски, покашливая, зашуршал амбулаторной картой.

Люде стало противно, что она сейчас назовет цель своего визита. И доктор разочаруется в ней и заодно в ее маме, которая родила такую непутевую дочь. А заодно доктор разочаруется и в результате своего труда – это ведь он вытащил Люду на белый свет. Поэтому сослалась на головные боли, тошноту, общее недомогание – и попросила выписать ей какие-нибудь другие женские таблетки. Доктор внимательно на нее посмотрел и через минуту подал ей веером направления на анализы. Люда ушла, ни словом не обмолвившись о своем интересном положении.

* * *

Муж как раз отсутствовал. Он где-то нежил прелести Вероники Степановны – то ли в Тамбове, то ли в Твери, то ли еще где – Люда давно перестала следить за передвижениями супруга.

Поэтому дома она не стала ничего готовить на обед, а попросту настрогала себе капусту, приправила ее майонезом, еще сложила сырный бутерброд. А проглотив кое-как пищу – от расстройства не было особенного аппетита, – уснула.

Когда Люда открыла глаза, ночь дрожала в окнах. Над кроватью грыз потолок маленький хилый лучик. Жила Люда на третьем этаже, как раз над Катькой со второго и дверь в дверь с профессоршей Каблуковой. Под окнами всегда было полно машин, вокруг все моргало фонарями и кривлялось неонами, и в темное время суток, когда, ложась спать, Люда выключала свет, множество лучиков бегало по стенам и потолку. И когда муж отсутствовал, с этим лучиками было не так грустно. Но сегодня, видимо, что-то сбилось в Людиной жизни, ей в молчаливые собеседники достался только один хилый луч, да и тот, того и гляди, пропадет.

Люда встала, походила по комнате, походила по кухне. Открыла балкон, но сразу стало холодно. Тогда она вынула из нижнего шкафчика пластиковые горшочки для рассады – утешиться. Она мыла горшочки раствором марганцовки и вздыхала. Но поскольку Люда была неисправимой оптимисткой, то есть верила в жизненную справедливость, то вздохи ее не покорябали бы посторонней души – если бы, конечно, кому-нибудь довелось их услышать. Но их, кажется, никто не слышал. Во всяком случае, в квартире больше никого – ни животного, ни человеческого существа – не было.

Перемыв с десятков горшочков, Люда поставила их на подоконник. Потом положила марлю в блюдце и налила воды. Потом передумала и взяла другое блюдце – из праздничного сервиза, тонкое, изящное. Переложила марлю в это красивое блюдце. Сверху насыпала семян, которые нашлись у нее в шкафу, – красных фасолин и желтых горошин. После чего Людина тревога обратилась в сонливость, и учительница нырнула под одеяло.

* * *

На первый урок она проспала. Дети радовались и кидались предметами, и уже директриса шла на шум. Люда успела проскользнуть в класс, сунуть в шкаф пальто. Дети испуганно замолчали, а Люда, не раскрывая журнала и учебника, не проверяя противное домашнее задание, начала рассказывать о том, как прекрасно отражена в русской литературе природа. Молодежь уловила в Людочкином голосе что-то особенное и затихла. Директриса, сунув носик в дверь, успокоилась. Сказала в щелку, что ждет Людмилу Константиновну в учительской на перемене. И пошла накостылять дворнику за неметеный школьный порог.

А Люда замолчала вдруг, посмотрела на детей долгим взглядом. Дети притаились за партами, смущаясь и ожидая. Стукнула форточка, в класс занесло озябший пестрый лист. Учительница подняла лист и закрыла форточку. Настала тишина, будто водомерка неслышно заскользила по водной глади. Людмила Константиновна подняла вопросительно брови. Будто бы она хотела что-то спросить, и дети почувствовали вопрошение. И раздалось уже громкие в тишине, тяжелые вздохи – домашним заданием было учить наизусть. Но Люда ничего не спросила. А напротив, начала рассказывать сама, сильно отступив от школьной программы.

– В одной стране жила бедная женщина. Домишко ее изрядно покосился, сквозь дырявую крышу проникал ветер и погашивал, бывало, по несколько дней. Носила женщина много лет одну и ту же юбку и даже новый фартук себе от бедности не могла справиться. И настолько она была бедна, что и мышам нечем было у нее поживиться. И вот однажды осталось у нее всего лишь несколько старых, сморщенных бобовых зернышек...

* * *

Подходила весна, женщина доедала последние запасы. Подходила весна, а у нее не было ни семян, ни орудий, чтобы возделывать огород. Огород выступил уже из-под снега, требовательно чернел, чем терзал ей сердце.

Бедная женщина взяла бобовые зерна, из которых собиралась в последний раз сварить себе похлебку. Зерна с вечера набухали в потрескавшемся старом горшке, вода вошла в них силою оживления, пробудила их, и теперь зерна начали белеть, приготовясь выпустить бледную стрелку, а затем обмякнуть и раствориться с помощью печи или почвы.

Женщина подумала, что даже если она поест, то это ровным счетом ничего не поменяет на земле. У нее нет детей, огород ее не возделан. Через несколько дней она истончится и умрет от голода. И значит, в следующем году, когда она подобно плохому зерну измякнет в могиле, даже и огород не сможет возродиться из самоопавших, одичавших семян. А род ее, от нее бездетный, естественно прервется. А значит, все было бесплодно. И от этой мысли стало ей жутко и холодно, хотя зимние ветры уже не наносили визитов в дырявый домишко, а солнце уже грело плечи и обещало скорую жару. Женщина с легкостью в сердце, с той легкостью, какую сообщает привычное отчаяние, подумала о муже, оставившем ее давным-давно. Но жизнь в одиночку все-таки не была одиночеством, так как вокруг все имело корни и продолжения. Огород ее каждую весну наливался и зеленел, к осени благодать земной жизни накапливалась в тыквах, моркови, помидорах, которые трескались от ее избытка. Плодоношение завораживало. Но теперь, думала она, и этому придет конец.

И тогда бобы были извлечены из горшка. И зажав их в руке, голодная, она спустилась в огород. С краю, ближе к дому, она сделала грядку и похоронила в ней семена. Обильно полив холмик из ржавой лейки, она ушла в дом и там сначала плакала от разочарования и голода, а потом уснула.

Когда она проснулась – а спала она целый день и целую ночь, – то сразу выглянула в окно. Грядка выплонула зеленые побеги, которые нуждались в подпорках, запутавшись и выстелив собой землю. Женщина превозмогла слабость и распутала побеги, она выстругала им подпорки, и растения, как змеи, поползли вверх. Потом она ушла в дом, чтобы, если придет час, умереть там, где хотя бы вещи и двери могли поскрипеть о ней, оплакивая.

Но и на следующий день она проснулась. Теперь в ней как будто звучала неясная тихая мелодия, и тело ее обрело странную сухую легкость. До такого состояния высушивают дерево, чтобы делать из него карандаши и корабли. Во рту было сладко, словно кто-то кормил ее медом, пока она спала. По стенам бегали мелкие тени. Она встала с кровати и вышла на крыльцо. Перед ней ниспадал водопад зелени – сильный ветер трепал толстые, с руку, бобовые лианы

с крупными листьями. Женщина задрала голову и посмотрела вверх. Гибкие стебли ползли выше домика по невидимым подпоркам.

Она подумала, что теперь точно умрет, потому что увидеть такое – не иначе как дар насмешливой смерти. Значит, смерть предупреждает, что она идет. Бедная женщина взяла тяпку и взрыхлила землю в последний раз. Она также хорошо полила грядку, ведь день выдался знойным и даже выносливая жесткая трава, которая заполнила лоно огорода, начала уставать от жары.

Потом женщина вернулась в дом, оделась во все чистое и легла на застланную постель. Сон одолел ее. Дом поскрипывал, напевая колыбельную ее рукам, которые чистили и правили его. А ей казалось, что кто-то разговаривает с ней: видишь меня? Знаешь, кто я? А когда пробудилось утро, вместе с ним на красной заре пробудилась и женщина, которая казалась помолодевшей. Она была удивлена тем, что может владеть своими руками и ногами, что мысли ее чисты, а душа ее легка так, что она не ощущает ни груза разочарований, ни груза желаний. В окно ее просунулись, точно руки, побеги и легли на кровать, которая стояла близко к окну.

В огороде, который неистово зеленел, паслись птицы – много разных птиц. Одни пели, другие молча висели на зеленом вертикальном ковре. Женщина приблизилась к грядке. Бобовые лианы вросли в небо. Она снова полила их. А еще повыдергала буйные колючие сорняки, которые набирали темно-зеленую силу.

И на четвертую ночь женщина заснула так спокойно и сладко, словно была убаюкана самим Морфеем. В эту ночь начался было ветер. Но после полуночи он неожиданно стих, и по миру пробежала тишина-водомерка. Можно было провести рукою по воздуху, и это породило бы звук настолько громкий, что его услышали бы в соседней стране.

Едва она открыла глаза, проснувшись, как поскорее закрыла их обратно, так как испугалась, что уже умерла и совершенно не знает, что теперь делать. Смерть не объяснила ей, как следует вести себя умершим. Бедная женщина попробовала исследовать окружающее пространство при помощи слуха. Но то, что она услышала, было не менее пугающим. Хотя она знала, что смерть забирает даже и самых малых младенцев, даже и неродившиеся плоды. И только когда женщина потянула носом воздух того потустороннего места, куда попала, она учуяла некий запах, не свойственный бесплотному миру. Это был слабый кислый запах живого, запах чистого, так пахнет иногда вскопанная и обильно промоченная дождями земля. Это был запах ребенка.

Женщина встала с кровати, перерезала зеленую пуповину, которой ребенок соединялся с бобовой лианой, высвободила его из стручка и запеленала. Потом она вышла в огород, чтобы проверить, не породила ли бобовая лиана и других детей. И нашла в глубине рыхлой зеленой стены еще два нераскрывшихся и дышащих стручка. Она улыбнулась. И подумала, что смерть, наверное, отказалась от нее, потому что женщина никогда толком не верила в ее всемогущество.

* * *

– Эта бедная женщина захотела, чтобы даже после ее смерти жизнь не заглохла, чтобы она могла продолжиться, возродиться и быть. И знаете, ребята, осенью, когда будете убирать с родителями урожай на дачах, оставьте в земле несколько семян.

Дети слушали, и даже по звонку никто не заорал и не дернулся бежать. Люда только тогда остановилась, когда в кабинет тевтонской свиньей ворвались директриса, завуч Тамара Петровна, физрук Михалыч и другие педагоги. Они многословно, но вежливо отругали Людочку – детей давно ждали на уроке физкультуры, а ее, Людочку, ждала на планерке сама директриса.

Вдруг, в разгар попреков, Людочку затошнило. Наверное, это от несправедливости. Такое бывает от несправедливости, особенно у таких тихих людей, как Людочка. Но сама Людочка подумала испуганно: нет, нет! Рано еще!

Директриса, похожая на вертлявую лягушку – таких лягушек промышленность отливают для детских игрушек: нажимаешь на кнопочку, раскрываются лепестки пластмассовой кувшинки, а внутри крутится земноводное, – требовала от Люды сдать какие-то планы. О каких планах шла речь, Люда не сообразила, увлеченная тошнотой, но виновато и согласно покивав, выскользнула из кабинета. А потом, кое-как, без вдохновения, рассказав детям последний урок, выскользнула в щелочку между тяжелыми школьными дверьми и вновь отправилась в свой нелегкий путь – он был усеян детьми, а шла Людочка к доктору сами знаете зачем.

Она шла через парк. Обычно ей хотелось присесть в парке на скамейку рядом с парочкой щебечущих мамаш и подслушать волшебное щебетание. Но сейчас она старалась пробежать этот участок дороги, ставший для нее трудным. И остановилась только на плотно застроенной улице, которая напоминала бесконечно слоистый неаккуратный бутерброд: красный дом, розовый, серый, снова красный. Дома были неодинаковой длины и формы, и это понравилось Люде, у которой на даче росли неодинаковые морковки и огуречики. Неодинаковость была приятна ей, как добрая родственность разного дышащего и стремящегося.

Светофор раскрыл зеленый глазок, и люди побежали, вместе с ними и Люда, на ту сторону дороги, где сияли витрины, среди которых затерялся нужный дом. Люда остановилась возле одной витрины, разглядела в отражении себя, стоящую среди множества отражающихся бегущих. Заправила за уши взвихренные волосы. Она должна была произвести хорошее впечатление, чтобы другой, незнакомый доктор, к которому она теперь шла, не подумал бы, что она какая-то такая... Такая какая-то, этакая... ну, знаете, бессмысленная, что ли, безалаберная. Беспутная. Существо эгоистическое и злонамеренное. Отвергающее, изъеденное пороком. Бессердечное, бездушное и развратное.

Людочка так увлеклась подбором крепких и сочных эпитетов к своей персоне, что не заметила наполненной жидкой грязью канавы, которую вырыли ремонтные рабочие. Когда Людина правая нога стала уходить куда-то в землю, она подумала, что ну вот уже и возмездие настигло ее, так она плоха. Ведь все в жизни взаимосвязано и справедливо. И такие намерения и мысли, как у нее, наказуемы непременно. Людочка воткнула левую ногу рядом с правой и замерла. Непременно нужно понести наказание. Она привыкла к порядку наказаний. Двойки ученикам ставила только за дело – но за дело ставила всегда. Писала родителям записки – но справедливо. Сама ходила в кабинет начальства и несла время от времени наказание за неправильно проведенное внеклассное занятие, за недостаточную работу с родителями. Еще мама у нее, помнила Людочка, желая сохранить правильный алгоритм действия, сама себе писала в дневнике дочери замечания и вызывала себя саму в школу записками. Маленькая Людочка не задавалась вопросом, зачем же мама пишет записки сама себе, для нее это было обыкновенным, как дерево во дворе или как полезность молока. И если теперь Людмила Георгинова проваливается сквозь землю, то это вполне заслуженно. Черти как раз ждут, чтобы кто-то вроде такой нехорошей женщины свалился бы к ним на сковородку.

Увязнув до колен, она почувствовала вдруг твердь – и очнулась. И поняла, что всего лишь стоит по колено в грязи, и сумочка у нее грязная, а на лице выступил серый пот. Хорошо хоть бальное новое пальто осталось в этот раз дома, а она – в серенькой немаркой одежде. Она вздохнула облегченно, радостно вылезла из канавы и пошла домой. И правильно, в таком виде, в грязи по колено, в медицинские учреждения, конечно, не пускают.

* * *

Муж привычно отсутствовал. И это сегодня было совсем неплохо. Потому что Людочка сегодня морально устала. Она долго стояла в душе. Потом пощелкала каналы телевизора и, разочаровавшись, покорно легла в постель. Она не могла вызвать в себе обычного интереса

к телевизору, читать тоже не хотелось. Людочка выложила руки поверх одеяла и тревожно шевелила пальчиками. Что же теперь с нею будет?

Лучики забегали по потолку и стенам, и Люда под их тихую световую беседу приготовилась засыпать. Но потом вдруг захотела воды и пошла на кухню. Напилась и встала у окна смотреть на двор, где под деревом совсем близко от нее целовался высокорослый молодняк. Парочка слиплась надолго, и Люде вскоре надоело на них смотреть. Она обратила взор на праздничное блюдо с фасолинами и горошинами. Люда заметила, что семена уже сильно набухли, некоторые даже проклюнулись, и удивилась: что-то слишком быстро, за один день. Но и обрадовалась, потому что спать ей совершенно не хотелось, а теперь можно было и не спать. Люда взяла картонные стаканчики для рассады, насыпала земли из пакета и воткнула в черную жирную покупную землю красные и белые фасолины, желтые горошины.

* * *

На следующий день Люда явилась в школу раньше обычного. Всю ночь она пробыла в коварной полудреме. Хотелось утонуть в черноте сна, но какая-то непослушная волна все время выносила ее на поверхность. Люда сквозь веки видела свет – наверное, это бегали ее знакомцы-лучики, слышала голоса, вызванные, вероятно, ее тревожным состоянием. Голоса обращались к ней, обещали что-то. Утром Люда никак не могла вспомнить, что конкретно ей обещалось. В ванной она лениво повозила щеткою по зубам. Потом за чаем съела полбанки малинового варенья. От такой сладости организму сделалось противно, и Людочку затошнило. Она кинулась было к раковине, но передумала и обернулась к подоконнику, где рядом со стаканчиками для рассады стояли не убранные еще под кровать банки с солеными домашними огурцами. Протянулась к банке, чтобы унести в темное место, – и замерла. Вверх по шторе полз нежный зеленый росток.

Росток надстраивался, растягивался тоненьким зеленым тельцем, стремился вверх. Медленное его стремление равнялось упорству вод, упорству вулканической лавы, равнялось выдавливанию горных пород в необыкновенный, не представляемый человеческим мимолетным рассудком период. Миллиарды лет на глазах двигались вверх по шторе, утверждая неумолимое движение как душераздирающую силу жизни. Людочкины синие глаза распахнулись удивленными окошками. Из одного окошка выглянула хозяйка и улыбнулась мужчине, подрезающему веселые лохматые кусты. Возле кустов металась смеющаяся собака. Она хватала мужчину за штанину, тьякала, подпрыгивала. Хозяйка кинула собаке мячик. Но мячик укатился на дорогу. По дороге ехал молодой почтальон. Он подобрал мячик, подъехал к кустам и отдал мужчине письмо. Мужчина отнес его хозяйке. Почтальон кинул собаке мячик. Собака схватила его на лету и гигантской черной мухой завалилась на куст. К собаке бежали громкие дети. Хозяйка улыбнулась детям и пристально смотрела вдаль, где лес, приобретающий уже прозрачность, все еще стоял стеной, охраняя благополучный угол от непрошенных гостей... Тут Людочка сморгнула и волшебная картинка пропала. Будущая мать сосредоточила зрение на закорючке боба. Росток на ее глазах превратился будто бы в стебель. И она стояла, простая учительница младших классов, и стеснялась того, что миллиарды лет выбрали ее свидетелем своего движения по шторе вверх. Хотя ей, Людочке Константиновне Георгиновой, хотелось бы на самом деле простого человеческого счастья – и ничего другого! Но кто бы спросил ее, чего она хочет!..

Давайте все же спишем эти странности восприятия на то необычное положение, в котором оказалась молодая женщина. Неуёмные воображательные способности свойственны беременным, это вам любой скажет. Ведь что здесь к чему? Абсолютная бессмыслица. Так и подумала о своих грезах рассудительная Людмила Константиновна и решила пойти реализовать

свое право на бесплатные анализы. Было еще очень рано. Так рано, что еще темно. Но гражданке Георгиновой следовало поспешить – пока не накопилась в поликлинике очередь.

Она принесла с собою баночку и оставила ее в окошечке, прикрыв направлением. В кабинете по соседству ей проткнули вену и высосали изрядно крови. Голова поплыла, но Людочка нашла в себе силы зайти в другой кабинет и проткнуть еще и пальчик... А в общем-то, говоря честно, все это не важно. Потому что все равно о результатах этих анализов пациентка Георгинова узнавать не пошла. Да и вряд ли результат был верен – банка малины наверняка сильно изменила клиническую картину. Но мы с вами этого точно не узнаем – потому что посторонним людям в поликлинике не выдают сведения о здоровье граждан.

* * *

...Мы не станем подробно досказывать, что было дальше в то раннее утро, когда, отдавши малины, Людочка побежала в поликлинику, а потом на работу. Не станем вспоминать, как после работы она побежала домой, а потом, на следующее утро, снова – на работу и по делам, в платную клинику спросить насчет аборта. И так она крутилась белкою, так она существовала, имея в голове абсолютную неопределенность, среди которой вдруг приходили ей определенные здравые мысли, что вот нужно бы купить новые колготки, или хлеб дома закончился, или хорошо бы напомнить мужу о действующем запрете стирать галстуки в стиральной машине. Муж Олег Валерьевич, появившийся из командировки, облизывался после ужина, кивал жене и называл ее Людочкой. А через час вынимал из стиральной машины жалкие разноцветные веревочки, завязанные хитрыми узелками. Утром кашлял, мучился, обматывая веревочками горло. И уезжал обратно в Тамбов или Тверь или куда-то еще. Вероника Степановна караулила его у подъезда в автомобиле. Людочка с содроганием смотрела в окошко, когда муж погружал тело в автомобиль, точно в перезрелый, резко пахнущий плод – Вероника Степановна всегда пахла пугающе, очень резко, помнила Людочка, автомобиль же ее был коричневого гниловатого цвета. Людочке казалось, что внутри этой машины Олег Валерьевич всякий раз мутирует, с каждым разом все больше превращается в неизвестное науке насекомовидное чудовище, совершенно чуждое человечеству и лично ей, Людмиле Георгиновой – как уполномоченному представителю всего человечества. Поэтому, когда она открывала двери, встречая мужа после командировок, она сначала испуганно замирала перед дверью, а потом уже поворачивала ключик – кто знает, что за существо она сейчас впустит в дом. Но, как правило, перед ней был все тот же Олег Валерьевич. Тем не менее машина Вероники Степановны всякий раз вызывала у нее устойчивый рвотный рефлекс.

Авто трогалось, Людочка вздыхала. Но в этом ритуальном вздохе с недавнего времени прослушивались нотки облегчения. Потому что с каждым днем назревала необходимость сообщить Олегу Валерьевичу сенсационную новость о продолжении рода Георгиновых – к доктору Люда так и не попала, и мысль об аборте сама собой растворилась в ее голове под влиянием времени и мечты, растворилась бесследно, как будто ее там никогда и не было.

Людочка еще не придумала наиболее щадящего способа сообщения – чтобы избежать повреждения хрупкого, уязвимого существа Олега Валерьевича. Людочке было сложно представить, что она потеряет Олега Валерьевича хотя бы как факт. Поэтому можно поехать в отпуск в Турцию и там, среди расслабляющей роскоши пляжей и отелей, рассказать ему... Или в горах, двигаясь на фуникулере, обозревая великолепные пейзажи, торжественно сообщить ему... Или заказать в ресторане *arrosto di vitella al forno* и, попивая в ожидании изысканное красное вино (Олег Валерьевич предпочитает изысканные напитки, да), написать ему на салфетке...

Людочка спотыкалась всегда на одном месте – не знала, что конкретно сказать или написать.

* * *

...Мы пропустим и еще несколько недель, пока Людочка была в очередном отпуске – не в Турции, не в горах, а дома. За это время гостей она к себе не приглашала, жила почти тайно, выходя на улицу только по бытовой магазинной необходимости. Олег Валерьевич за это время наезжал три раза, а уезжал четыре. А один раз он вывозил Людочку на дачу, закрывать дом. Дом закрыли, Люда всплакнула, глядя на голые грядки. Конечно, плакала она не оттого, что грядки были безжизненны. Ее угнетало фальшивое положение, в котором она вдруг оказалась. В этом положении был какой-то знак, очевидно. В ее жизни неожиданно случилось вдруг столько всяких поводов для переосмысления действительности. Но Людочка, привыкшая к прямоте и ясности во всем, робела перед проявлениями судьбы и никак не могла ухватить кончика, чтобы распутать хитрые узелки. Она вела сеанс одновременной игры сразу с несколькими важными обстоятельствами, совершенно не понимая, что от нее требуется, и не зная, как ходят в этой замысловатой игре фигуры. Она плакала поэтому, бродя по участку, где она знала всё до единого камешка, и все эти камешки отдавали тепло ее рукам, где каждая частичка земли отвечала ей взаимностью, обозначая мир как величину постоянную, а потому и справедливую. И Людочкина вера в справедливость оказалась в ситуации опасной, справедливость сделалась ставкою в странной игре. А Людочка была человеком совсем не азартным.

Густая желто-красная осень разжижилась в блеклую бледную зиму. Снег ежедневно ставил, часам к четырем бывало довольно некрасиво. Люде обнажение полумертвого тела земли сильно не нравилось. Но в обед начинался снегопад. И она садилась к окошку, предзимние обмороки природы вызывали у нее приятную меланхолию, и ей хотелось также пойти снегопадом, тоже упасть в какой-нибудь долгий обморок. Была Люда – а вышла вся снегом, так люди скажут. Очень красиво. Умереть так же трагически и неизбежно, как снег... Ах да! Она, Людмила Георгинова, еще собиралась стать матерью...

Люда принималась тогда воображать себя матерью, мысленно покупала пеленки младенцу, мысленно уговаривала подростка не жадничать в детском саду, потом не велела пропускать факультативные занятия в школе, потом уговаривала не жениться на легкомысленной Элеоноре, а жениться лучше на обязательной Даше, потом провожала на работу в Западную Африку, где проводились жизненно важные исследования самых передовых вакцин. Потом приняла его приглашение переехать в Африку. Но потом все-таки отказалась – чтобы не отдаляться от родных могил... Тут Людочкин носик сморщился сам собой, в норках защищало: мама состарится и умрет, как все! Мама проживала на пенсии в соседнем маленьком городе. Надо позвонить ей, подумала Людочка и покраснела: давно не звонила.

Обычно, посидев с часок у окошка, Люда шла поливать ростки, лелеемые ею от одиночества. Ростки эти приняли уже вид полноценных растений. Один бобовый стебель трижды обернулся вокруг лампочки, другие заметно отставали, но и они дотянулись почти до потолка. Люда пересадила травы в большие горшки и устроила на полу. Олег Валерьевич изредка – когда бывал дома – запинался о горшки и кричал нечленораздельно.

Будь Олег Валерьевич более постоянной величиной в Людиной жизни, она бы, конечно, убрала горшки, подвинула. Но он появлялся дома все реже и реже, поэтому Люда попросту забывала. Однажды Олег Валерьевич и вовсе пришел домой без пальто и шапки, и, стоя на пороге, сказал: его переводят в один большой город, где он намерен постоянно проживать, и выехать нужно через час, а потом он напишет, что и как, и Людочка – если захочет, конечно, ехать в смрад, смог и хаос, что вряд ли, – сможет перебраться к нему. Но это ужасное место! Так что он предупредил.

Людочка подошла к кухонному окну. Внизу, спрятавшись в арку, вонял автомобиль Вероники Степановны. Олег Валерьевич одернул пиджак, как бы чуточку смущаясь. Потом про-

шел в кухню, залез рукою в кастрюльку, долго нащупывал, искал в подливе плотные съедобные предметы. Наконец извлек котлету. Котлета имела тот же неопределенный цвет, что и все котлеты на свете. Она влажно поблескивала, соус стекал с нее жирными каплями, сдабривал туфли Олега Валерьевича, так что туфли тоже скоро стали похожи на котлеты.

– Котлеты из нещипаных ворон, – неожиданно для себя уточнила пункт меню Люда.

– Ой, Людочка, не начинай! Так надо, это необходимые издержки карьерного роста! – пискляво заголосил Олег Валерьевич, для эффективности защиты сразу переходя в наступление.

Люда улыбнулась. Желая упорядочить трапезу мужа, достала посуду. Но Олег Валерьевич замахал руками – мол, не надо! не надо! – и зачавкал, держа котлету в коренастых пальцах. Котлета была скользкою – и прыгнула из пальцев и брякнулась прямо в карман пиджака. Олег Валерьевич взвыл нечеловеческим голосом, потому что любил дорого и аккуратно одеться. Он размахивал грязною правою рукою, будто гонял вокруг себя мух, а левою чистой лез в правый карман – и никак не мог попасть. И было это так неловко, что Людочка рассмеялась. Олег Валерьевич тогда рыкнул, выхватил у Людочки тарелку и хлопнул об пол. Людочка поморщилась и обозвала его дураком. Олег Валерьевич схватил кружку и... К счастью, снизу раздалось настойчиво: би-би-би! Олега Валерьевича перешелкнуло, как механическую куклу, он вернул кружку на стол и завис в пространстве и времени.

Пока муж перезагружал свою операционную систему, Людочка достала надкусанную котлету из его кармана и определила ее в помойное ведро. А потом с возникшей вдруг пустотой и легкостью сердца пошла собирать для супруга чемодан. Пока Олег Валерьевич, воя и поругиваясь, чистил перья, она пыталась разобраться, что происходит в ее собственной душе. Складывая мужнины трусы, Людочка поняла, что никогда не приедет в другой город к Олегу Валерьевичу. И при этой мысли в районе солнечного сплетения у нее зашекотало, запело. А в животе приятно потяжелело. Она поставила чемодан к двери и стала ждать.

* * *

Когда Олег Валерьевич вытребовал в другой город фотоальбом юности, Людочка выбросила в форточку забытую им зубную щетку. И на сердце у нее совсем потеплело. Вы, конечно, в это не поверите. Катька со второго этажа, а также и Таня Леденцова, которая забежала к Катьке в гости, решили, что Люда – брошенная жена, и сочувствовали соседке всеми силами своих сентиментальных сердец. Каблукова же Зинаида, накладывая огуречную маску, сухо хохотнув, назвала Людочку умно – соломенной вдовою, но пожалела в глубине своей ученой души. А Оля Миклухо-Маклай, натягивая левый чулок в спальне Катькиной квартиры, думала, что у Люды совершенно дурацкий, нисколько не сексуальный, весь в разноцветных зонтиках и вульгарных затяжках банный халат – поэтому ничего другого в своей жизни эта дурочка ожидать и не могла. А выходя из Катькиной квартиры и чмокая Катькиного мужа, засожалела вдруг тайно, про себя, что не может быть брошенной женой, а только «кем попало». Катька вчера так и вопила на мужа – слышал весь подъезд: спишь, гад, с кем попало!

Людочка, конечно, тоже слышала, как вопила Катька. Но в ее сердце это никакой личной болью не отзывалось. Попа Вероники Степановны, слившаяся в сознании с образом Олега Валерьевича, давно уже не беспокоила ее воображения. Мировое равновесие восстановилось. Случайный Олег Валерьевич, прилетевший в Людину жизнь легковесным мячиком, отскочил на зеленое поле чьей-то другой жизни. Людино интересное положение теперь даже не требует объяснений и оправданий. Вот так – и точка, и больше никак! Люда тихонько торжествовала. Ведь по существу, Олег Валерьевич так и ни стал ей никем, а интересное положение обещало сразу многое.

* * *

Рассказ, в сущности, можно было начинать с этого места как с начала. Но вы же понимаете, что авторам больше платят за длинные рассказы. Вот они и вяют веревки, вот они и тянут, плетут сети, чтобы уловить рыбку-читателя, а потом поджарить и съесть.

Но сознайтесь, читатель никогда не согласится добровольно преодолеть мучительный перегон, который называется повествованием. На первой странице ему справедливо хочется знать, в чем же перспектива истории, кто с кем, кого и за что. И будет ли хеппи-энд. Можно и не хеппи-энд, но только чтобы не открытый финал! Мы не хотим открытого финала! О, открытый финал – это читательский кошмар! Вы уж лучше эту историю насовсем закончите, пусть они поженятся. А потом следующую начнете. Пусть, например, она ему изменит... А от повествования, которое медленно набирает обороты, которое разгоняется, дабы ввести в курс дела, читателя качает и оттого даже тошнит, как бедную Люду в ее интересном положении. В конце концов, нам, авторам, надо иметь совесть и понимать: мы отнимаем у читателя время, которое он мог бы потратить на просмотр телепередач...

Так вот, я сообщаю, что читать можно прямо отсюда. Конечно, если издержки авторской фантазии кажутся вам занимательными или если вы не слишком дорого цените свое время, то прочтите всё. Я тогда расскажу вам еще и о детстве Люды Георгиновой, чтобы вы смогли во всей полноте представить масштабы и последствия случившегося с ней: в детстве Люда Георгинова предавалась глупостям фантазии. Например, она вообразила, что в кладовой внизу слева есть маленькая дверь, куда она одна может зайти, а за этой дверью – перевалочный пункт в волшебное царство. То ли приснилось ей это, то ли еще как-то привиделось, но эту дверь она все детство напролет искала с упорством ослика, подметая длинную челкой пол в кладовой.

Должно предупредить: то, что вы прочтете далее, может вызвать дискомфорт, слабость и временное расстройство зрения. Если ваш обычный взгляд на вещи во время прочтения меняется, распространяется под каким-то подозрительным углом, чтение следует прекратить. Если мировоззрение не восстанавливается и впоследствии, то следует найти автора – и разобраться с ним по-взрослому. Если же в голове зазвучали еще и голоса, разъясняющие вам смысл жизни, диктующие направление движения, то, не беспокоя автора, следует незамедлительно обратиться к врачу.

* * *

Итак, оставленная мужем, подозревающая у себя беременность от случайного любовника учительница младших классов Людмила Георгинова жила теперь совершенно одна. Она решила, что справедливость наконец восторжествовала. И это принесло ей немалое облегчение. Ведь когда ты бредешь по жизни с чемоданом, полным чужих денег, с чемоданом, который следует отдать... В общем, фальшивому положению пришел конец. И Люда начала готовиться к рождению.

Вечером того же дня, как она выслала мужу в другой город фотоальбом юности, Люда почувствовала слабость, легла в постель и оттуда стала смотреть в окно. В природе было уже весьма прохладно. Деревья растопырились черными беспорядочными скелетами, свирепствовали ветра, которые обгладывали белую плоть, нарастающую на деревьях. Люда смотрела и воображала, по своему обыкновению, всякую ерунду. После того как Олег Валерьевич переехал в другой город, к Люде вернулась ее детская привычка видеть то, чего нет. Например, в данный момент она наблюдала следующее: черная башня на белой опушке, возле замка топчется черный конь, несущий молодого всадника. Кто этот всадник, Люда не знает. И вдруг слышит какой-то шелест. Ничего в этом шелесте разобрать нельзя, как будто десять голосов

шепчут одновременно. Всадник насторожился, конь уши насторожил. Всадник голову поднял, окно на вершине башни затеплилось, засветилось. Голоса стали гуще, забеспокоился конь, голые деревья застучали ветвями. «Видишь ли ты нас, всадник? – лепетало вокруг. – А мы тебя видим, видим...» Людочка вскрикнула, потому что сделалось ей не по себе, оттого что кто-то может наблюдать за человеком, когда он этого и не подозревает.

Голоса набирали силу. И были уже не шелестом, не лепетом, а настойчивым шепотом, словно именно с Людой разговаривал многоголосый бог леса, которому надо говорить и за каждую травинку, и за каждое дерево. Люде почудилось какое-то движение в комнате. А за окном будто бы погас фонарь... Ах, фонарь действительно погас. Фонари в городе гасят после трех часов ночи... Значит, уже больше трех. Она встала выпить воды.

На кухне капал кран. Олег Валерьевич поменял незадолго до отбытия резиновую прокладку, но кран все же капал. Кап-кап-кап-видишь-меня-видишь-меня-видишь-меня... Люда прислушалась к задорному бормотанию воды. Ей нравилось капанье, которое другому показалось бы назойливым и раздражающим. Не затягивая крана, она пошла спать.

Следующий день, выходной, провела Люда возле телефона. Она хотела позвонить маме и сообщить новости своей жизни. Но проведя в неторопливых размышлениях возле телефона весь световой день, едва зажглись первые фонари, посчитала, что еще рано сообщать. Сообщить она всегда успеет. У нее была теперь бездна времени для размышлений. Она по-прежнему мало с кем виделась, и по-прежнему компанию ей составлял один только снег.

Ночью Люда увидела страшный сон. А проснувшись, не смогла вспомнить о чем он был. «У-у-у-види-и-ишь ме-е-еня, у-у-у-видишь ме-е-еня-а-а...» – слышала в открытую форточку. Она подошла к окошку, но форточку закрывать не стала, звук ей нравился. Как будто она была в квартире не одна, как будто кто-то играл с ней в добрые прятки.

А ведь она и впрямь не одна, счастливо подумала Люда, оттягивая вниз ночную рубашку.

* * *

Так прошло много дней и ночей. Люду теперь окружали необычные картины и звуки. Звуки будто бы приглашали ее в собеседники, осторожно приглашали, не требуя, не пугая. Когда Люда совсем привыкла к ним и перестала воспринимать как нечто чужеродное, ей и самой захотелось поговорить. Она рассказывала о своей жизни, о маме, об эпизоде с Олегом Валерьевичем. Она забавно изображала коллег, делилась планами на будущее. А в ответ узнавала новое о мире. Так в квартире многоэтажного дома Люда мирно беседовала по вечерам с невидимым кем-то и ухаживала за растениями, которые поползли уже из кухни в гостиную по веревочкам, заботливо протянутым Людой. Растения словно бы отзывались на хозяйкин голос, поворачивали листики, раскачивали усиками, тянулись кончиками.

Люда никому не сообщала о своей радостной новости. Только переделась в широкие на животе платья стилиа ампир, что были как раз в моде. Приступы тошноты повторялись редко и теперь не пугали, а радовали. После уроков Люда часто ходила в парк, сидела с мамашами, знакомилась, болтала, обсуждала пеленки и детские сопли. Ходила также по магазинам и покупала нужные вещи. Ей нравилось увлечь продавщицу разговором. Она пускалась в неостановимые фантазии про двух, а иногда трех своих детей, попутно рассказывала о пляжах Турции, о фуникулерах над заснеженной Европой, об итальянских развалинах, на которых никогда не бывала. Пространство повествования постепенно наполнялось сказочной реальностью, едва ли не принцессами и принцами, едва ли не драконами и феями. Оно разворачивалось красочно, наполняясь то темными ночными соками, то золотой водой подсолнечного ручья, то проливая августовские слезы прощания, то обрушивая зеленые смерчи созревающего мая. Желтоватый противный свет торгового зала очищался до радужной переливающейся чистоты, в которой преломлялись все действительные вещи, обнаруживая как бы двойное

дно – вот, к примеру, этот охранник с косым глазом и неаккуратными ботинками, он вполне себе сторож унылого подземелья, хранящего Бог знает какие секреты. Или вот отвратительное люминесцентное полено, которое моргает под потолком, раздражая глаза, – оно есть сияющая змейка, ползущая быстро и отбрасывающая неравномерный мигающий свет...

Людина вдохновенная радость свежим сквознячком продувала торговые павильоны. И к одной слушательнице вдруг присоединялась другая, подходила из обувного павильончика третья, прибежала, бросив вороха трикотажа, четвертая. Трудно сказать, какое впечатление производили Людины рассказы на этих посторонних женщин, целый день вязнувших за прилавком, сторожащих и отпускающих разные произведения промышленности. Но они становились вдруг соучастницами волшебной наполненной жизни, преподнесенной отвлеченно, ничейной, бесхозной, не соотносившейся будто бы с рассказчицей (так оно на самом деле и было). Эту жизнь, казалось, можно присвоить, присовокупить каким-то образом к своей. Поэтому счастливый вид покупательницы не отталкивал их, не провоцировал зависти. Люда являлась случайным лучиком, оживлявшим печальные существа женщин.

Наговорившись, она покупала несколько вещичек и выходила под небесные своды, которые с каждым днем становились все ярче и приветливей. Уже апрель качал льдины на реке. Уже приветственно ухмылялись лавочки, приглашая присесть, отдохнуть, подышать воздухом неторопливо, не на бегу, как всегда дышат в городе. Люда ходила теперь осторожно, и присаживалась на каждую лавочку, и могла вдыхать медленно, и никуда больше не торопилась. Она непрактично уволилась с работы на некоторое время – для того чтобы ощутить радость приближающегося материнства в полной мере, а не в жалкие дни, отпущенные на это государственным здравоохранением. К большому ее удовольствию, она могла себе это позволить: Олег Валерьевич ежемесячно благодарил Людочку финансово – как формальную, но покладистую супругу. Судя по денежным молчаливым переводам, превышающим учительскую зарплату, дела его шли хорошо.

Купив какую-нибудь сладость, Люда поела ее на лавочке, а потом шла домой раскладывать покупки. В подъезде больше не пахло крысами. Здесь тоже блуждал весенний волглый, неуютный, но свежий и задорный ветерок. Люда, поднимаясь по лестнице, гладила ветерок против шерсти (он всегда дул сверху). У двери она счастливо вздыхала, доставала ключи. Из замочной скважины к ней тянулся зеленый хвостик.

Растения заполнили квартиру, как густой туман. Людмиле с каждым днем становилось все приятнее. Вокруг нее образовался стройный мир, в котором она сама росла подобно всякому плоду. Привычная мягкая грусть, свойственная людям с нежным и тихим характером, покинула ее. Теперь настойчивая радость непримиримо развивалась и приливом погружала ее в световые пучины. Казалось, ее органическое состояние и заключалось в том, чтобы пребывать в одиноком мире растительной простоты, тотальной природной справедливости.

* * *

Срок приближался. Людочкин шкаф раздуло от обилия детских вещей. Уже ничего не было нужно. Родись у Люды одновременно трое девочек и трое мальчиков, вещей, которые припасла Люда, хватило бы всем. Однажды она почувствовала тяжесть общения и срочно покинула магазин детской одежды, где уже в третий раз покупала чепчики. Она покинула магазин очень скоро, к большой жалости продавщицы Гали, трогательной, вопиюще накрашенной девушки. Галино маленькое личико сморщилось, густо обведенные зеленым глаза нахохлились попугаями. Галя возвратилась, вздохнув, за прилавок и стала думать о том, что бы приготовить на ужин. Ужин в Галиной жизни занимал, определенно, самое большое место. Потому что муж ее, Александр, всегда являлся к ужину, а свекровка Эмилия Антоновна к этому времени покидала квартиру, удаляясь в больницу на ночное дежурство. Галя перебирала доступные своему

кошелеку гастрономические изыски. С глубокой печалью отвергла запеченного в сливках морского окуня, отвергла также и бефстроганов и остановилась на жаренной с луком печенке. Потом Галя подумала вдруг, а не всплакнуть ли ей, но солнце в окошке сияло вызывающе ярко. Раскладывая перед очередной посетительницей пестрые и розовые ползунки, Галя забывчиво и беззащитно стала мечтать о всяком – о путешествии в теплые края, о младенце, о халатике цвета морской волны, который привезли в соседний отдел. Халатик был хорош, к нему прилагались даже и банные тапочки. Но Эмилия Антоновна, наверное, не разрешит...

Люда же, выскользнув из магазина, полетела мимо лавочек и тополей, развернувших клейкие листья. Сама себе казалась она зеленым листочком, только что родившимся и трепетавшим теперь на ветру. С какой-то новой полнотой запела вся она внутри. «Если бы внутри меня не было пусто, то не могло бы потом быть наполнено», – с замиранием сердца, с восторгом, обрывающим дыхание, думала Людочка, исходя весенними чистыми водами, водами жизни, проснувшись от ледяного сна и бегущими теперь тайными сокровенными дорогами.

Громкая собака выскочила из переулка и кинулась под ноги Людочке. За ней на длинном поводке волочился радостный старик. Он пронесся мимо. Мимо Людочки, которая совсем превратилась в листик и уже не думала ни о чем, избавилась от всяких мыслей и только трепетала. Мимо Людочкиной молодости пронеслась чья-то другая удивительная жизнь, шедшая к закату, неизвестная жизнь, состоящая из множества мелких, никчемных и памятных вещей, из мусора, который питает память. Не будь этого мусора, как люди смогли бы удержать при себе свою жизнь? Старые фотографии, сломанные на углах, заключенные в бумажные паспарту с номером фотоателье, – склоненные друг к другу головы, густая ретушь, грубый, но трогательный декор. Пуговицы, которые за всю жизнь насобирали старухи – ларчик или коробка, наполненная пуговицами от несуществующих одежд, ключиками от несуществующих комодов, алюминиевыми невесомыми значками.

Еще кипы рецептов – про еду, про рыбалку, про то, как выводить пятна. И с этих рецептов, вырезанных из газет и журналов или, может быть, написанных от руки, следует уже с самих выводить пятна, но это пятна времени, они имеют запах времени, бумаги скоро истлеют, и этим именно дороги нам.

Наконец собака запутала поводок вокруг дерева и остановилась. Старик отпустил ее, сам сник, сел на лавочку. Глаза его, которыми он всматривался перед собой, вблизи уже ничего не видели, но видели в иной глубине иные картины. И стало понятно, что он – старик. Рядом лежала газета, он раскрыл ее и забылся. Собака затрусилась по газону, бежала сначала вслед Людочке, но та удалялась, подталкиваемая природою, не опускала рук, чтобы приласкать, не видела будто бы вообще. И собака, чувствительная к равнодушию, отстала. Тоже села, свесив коричневые уши, пристроилась возле старика. И мир мог наблюдать их, дряхлых, обесцвеченных, изъеденных временем до самых своих теней. Вот тени собаки и старика посмотрели вслед Людочке, истаявшей карамелькою на горизонте. Вот они поднялись – и слабейшим порывом майского теплого ветра их сдвинуло с места, понесло, искривив бестелесно, разорвало на клочки, как дым, и рассеяло. Аллея была пуста.

* * *

Людочке снился сон. Во сне она была совершенно одна. Она брела по лесу, который кутался еще в снега, еще зяб. Червоточины зияли, и в них кое-где томилось зеленое, жалкое. Оно корябалось изнутри белую корку. Людочка переваливалась из одного влажного сугроба в другой, стараясь не наступить на зеленые коготки. Людочка как будто искала что-то – именно поэтому в сердце ее было ощущение одиночества. Она заглядывала в проталины, тревожно поднимала глаза. Но ничего кругом не было и не было. Во всяких других случаях, когда оста-

валась она одна, ее вовсе не грызло одиночество, вокруг жужжало и стремилось все живое и неживое. И даже не столько люди, сколько деревья, скамейки, заборы, камни, запахи.

Но теперь она смотрела кругом в ожидании. А ведь известно: когда ждешь, все бывает опустошено самим ожиданием. Хорошо, если ты Пенелопа и по крайней мере знаешь в лицо того, кого ожидаешь. Или если ты работник коммунальной службы, то знаешь вполне определенно, что ждет тебя с приходом зимы или весны – лопнувшие батареи, намерзающий во дворах лед, потоп и нечистоты. А вот если ты женщина средних лет, если у тебя нету никакого запечатленного памятью ожидаемого, то возможны всякие казусы. Дождешься чего-нибудь – а вдруг это не то, а вдруг оно просто шло мимо и присело возле тебя отдохнуть или остановилось спросить, как пройти на улицу Ленина. Или ты не заметишь того, чего ожидала, и не остановишь, не удержишь, не разглядишь сразу. И все, и жди снова. А вдруг завтра на тебя наедет автомобиль или ты смертельно подавишься яблоком?..

* * *

Примерно такие мысли, кстати говоря, думала Катька со второго этажа, потому что познакомилась она давеча с мужчиной, неприглядным таким, но очень вежливым. Мужчина пришел за справкой в бюро технической инвентаризации, где Екатерина Витальевна за скромную зарплату отдавала долг обществу. И он преподнес Катьке букет не хухры-мухры какой, а самый настоящий, с блестками на цветах, завернутый красиво и с золотым бантиком. А еще коробку конфет, пьяных, вишневых, какие она и любила. Девки на работе к вечеру истекли слюною. Но Катька коробку не открыла, а цветы унесла домой.

И вот она поднималась теперь с цветами и коробкой и думала торжествуя, как щас откроет в квартиру дверь и как звезданет мужу по морде букетом, чтоб все блестки на его бессовестной харе остались. А потом сядет пить чай с конфетами, и даже не пойдет исследовать спальню на предмет обнаружения чужих дамских волос, и даже принохиваться к подлецу не будет. И она еще чего-то да стоит, для кого попало на такой букетище не разоришься! И Катька, выставив букет на вытянутой руке прямо перед собою, высоко задирая квадратные коленки, поднималась по лестнице. А потом вдруг отвлеклась, так как услышала невесть откуда плач младенца. Младенцев до самого пятого этажа в их подъезде отродясь не водилось. И это было последнее, что она услышала, – удивленная, она потянулась навстречу звуку, нога предательски подвернулась. И Екатерина грохнулась с лестницы, успев взвизгнуть и подкинуть букет с коробкою. Они коснулись потолка и шмякнулись на пол. А Катька, упав, сломала правую ногу и на секундочку потеряла сознание, слегка ударившись головой, – но скорее от страха. Это было к счастью, так же как бьется на счастье посуда.

Многие необъяснимые затеи судьбы скоро раскрываются самым невероятным образом и безобразия жизни оказываются вдруг благодатью, просыпавшейся на нас. Катькину жизнь изменил этот перелом – кошмарный перелом, который болел, чесался под гипсом. Этот сладкий перелом, который преподнес ей на блюдечке все, чего ей не хватало, – любящего мужчину, хотя и неприглядного на вид.

На Катьку, которая имела соответствующую случаю умирающую физиономию, наткнулась Зинаида Каблукова. Соседи, постучав, обнаружили в Катькиной квартире мужа и постороннюю женщину – Олю Миклухо-Маклай. Катька, собрав последние силы, плюнула в бессовестные глаза подлеца, но недоплюнула и попала на постороннюю, а точнее, на свой халат, в который эта холера вырядилась. Потом приехала «скорая», забрала Катьку. А потом... А потом, ровно через сорок минут, Катькина жизнь изменилась полностью. Доктор мерил ей пульс, трогал ногу – но смотрел прямо в глаза. Это был тот самый неказистый, но вежливый мужчина, что в благодарность за справку, как настоящий джентльмен, принес ей цветы и конфеты. Наверное, его сразило такое совпадение, тем более что был он холост. Катька прямо

на костыле переехала к нему. Все завидовали и говорили: прям как в кино! Потом у них кто-то родился, и, кажется, даже сразу двое, если не трое.

Но это произошло через некоторое время. А тогда, сразу, Зинаида Каблукова и Леденцова Таня вытолкали постороннюю женщину из Катькиной квартиры и начали сильно стыдить ее мужа. Муж вяло отпирался, а потом вдруг повысил голос и выгнал женщин. Женщины тогда пошли к Зинаиде и выпили там вина – от стресса. А потом, осмелев от вина, позвонили в Катькину квартиру и всё высказали гаду в самых значительных выражениях. А потом пришла соседка Лидия, жена военного – за солью, да так и осталась. А сверху над их головами громко заходила в каблуках одинокая холера Оля Миклухо-Маклай, собиралась, наверное, куда-то. Таня, к алкоголю непривычная и потому ему податливая, взвилась от этих победных выдающихся звуков – и женщины отправились отмщать за Катькину, а заодно и Танину, повергнутую некогда Олей, поруганную честь. Да ведь и за Зинаидой и за Лидией тоже числились мужья, и кто знает...

Так что пока Людочка находилась в состоянии сна, снаружи происходили великие события.

* * *

Осоловелое время задремало, когда зима в декабре притихла, шла слепым солнечным снегом. На катках восторженно приручали лёд дети. Самые смелые сигали с незалитых горок или облизывали железные дворовые качели. Детям было хорошо. Взрослые кутались, кутались, но им было все холодно – и тем холоднее, чем теплее они кутались. Животный городской мир тоже зяб. Голуби, увеличившись вдвое, обживали низкие подоконники магазинов, домашние собаки танцевали на снегу, ничейные ожесточенно попрошайничали, а кошки куда-то пропали. (Но в январе все втянутся в зиму: животные привыкнут к голоду, дети доедят остатки новогодних конфет, взрослые, согревшись, обнаружат по календарю близкую весну. Но это – потом.)

Поутру, пока еще сияет какая-нибудь запоздалая звезда, все торопятся из дому, все опаздывают, обманутые темнотой и будильниками. Дети с рюкзаками похожи в темноте на горбатых карликов. Карлики проталкиваются в двери школы – и превращаются в принцесс и принцев.

На уроках принцы и принцессы дремлют тихонечко под мерное гудение учительского голоса, который тоже сонный, потому что Инна Ивановна или Тамара Петровна смотрели занимательный ночной сериал, а может, проверяли контрольные. Никто никому не мешает в эти дни. Только иногда нагрянет проверочная комиссия или руководство школы назначит открытый урок – и само сидит на этом уроке, глотая зевоту. Слышно даже, как дышат на подоконнике мягкие фиалки. Фиалки шевелят щетинками на толстых листьях и баюкают, баюкают. Нельзя в такие вялые дни смотреть на фиалки, а то можно убаюкаться и по-настоящему уснуть на уроке.

* * *

В один из таких дней завуч Тамара Петровна задержалась в учительской и теперь дремала на диване, не в силах преодолеть полдненный сон. Снежинки ползли вниз по воздуху. А иногда, когда глаза завуча особенно слипались, снежинки, плоские и круглые, будто сделанные муравьями из крохотных бумажек, казались нанизанными на невидимые нити и покачивались. Тамара Петровна в мучительной и сладкой полудреме пыталась сосчитать их, но точное число никак не получалось. «Невероятно много! – с тихим восторгом снилось Тамаре Петровне. – И скрипят!» Снежинки здоровались с завучем ласково и знакомо: здравствуйте, Тамара Петровна, как вы хорошо выглядите, какой у вас красивый платок на шее, такой нежный, наверное, китайский шелк? И во сне Тамара Петровна тихо хвасталась: да, муж привез из Китая,

настоящий китайский шелк, дорогой. А снежинки ее тогда спрашивают: а как поживает Виктор Иваныч? Не болеет? Работу не поменял? Тамара Петровна горделиво отвечала: повысили его, теперь он зам. А как учится Маша? Тамара Петровна не могла скрыть удовольствия: Маша у нас отличница! А вот, Тамара Петровна, не хотите ли чаю с конфеткой? Тамара Петровна восхитилась: с превеликим удовольствием! И открыла глаза, чтобы протянуть руку за конфетой в нужную сторону. Перед ней стояла Людмила Константиновна Георгинова, коллега, учительница младших классов, и улыбалась сокрушительно доброю улыбкою.

– Людмилочка Константиновна! – изумленно раскинула руки Тамара Петровна, окончательно проснувшись. Людочка в светлом вязаном платье была очень похожа на королеву снежинок. На столе, возле которого дремала Тамара Петровна, стояли три чашки и раскрытая конфетная коробка. Людмила Константиновна по привычке хозяйничала в учительской, хотя уже давно не бывала в школе. В учительской, впрочем, все осталось на своих местах, так что ей не составило труда найти и чашки, и чайник.

– Людмилочка Константиновна! – Тамара Петровна прижала теперь руки к груди и качала головой в нескрываемом умственном возбуждении. О скоропостижном, по собственному желанию и без объяснения причин, увольнении Людочки в школе не забыли, хотя и миновало теперь уже несколько лет. И Тамара Петровна оказалась беззащитна перед волной вопросов, обрушившихся на ее любопытный ум. Вопросы и восклицания рвались, просились на язык: с чем пожаловали? Где это вас носило? Вот так явление блудного сына! Чего изволите? Откуда вы такая взялись? Ага, явились, не запылились! Тамара Петровна огромным усилием учительской воли сдерживала их. И сдержав, проговорила безобидное:

– Ой, вы меня так напугали!

Людмила Константиновна улыбнулась еще ослепительнее и весело представила:

– А это вот моя дочка, Танечка. Нам уже пять. Уже читаем вовсю и знаем действия.

Тамара Петровна подняла брови и привстала с дивана. Долго и сосредоточенно шурилась. Потом села и протянула руку к чашке. Чашка коротко звякнула о блюде. Людочка добавила в чашку кипятку. И Тамара Петровна мелко отглатывала, а чуткая собеседница, почувствовав все невысказанные вопросы, подробно говорила о своей жизни: об Олеге Валерьевиче, о Танечке, обо всем, что она узнала за эти годы, и обо всем, чего хотелось бы ей еще. Она собиралась вернуться на работу. Тамара Петровна подносила ко рту кружку и при этом робко кивала. На нее наваливалось оцепенение, словно какое-то ядовитое животное укусило ее и теперь яд расходится по всему телу, по очереди останавливая жизнедеятельность органов и конечностей. Наконец гостя засобиравшись – и ушла. Тамара Петровна сдвинула чашки, вытерла лужицу, натекшую из чайника, и подкралась к окну.

На школьной площадке возилась мелкота, сооружая снеговика. Старые кривые груши торжествующе держали воздетыми к небу ветвями детские ранцы и мешки с обувью. Тамара Петровна заметила на снеговике синее ведро, которого сегодня хватилась уборщица тетя Зоя. Мимо малышни по расчищенной дорожке ступала танцующим шагом Людочка Георгинова, в одной руке она держала сумочку и яркий детский рюкзачок, помахивая ими непринужденно. Вторая Людочкина рука была неподвижна, чуть согнута в локте, а пальцы ее располагались так, словно сжимали другую руку. Она остановилась возле снеговика, аккуратно расслабила, будто бы высвободила, эту вторую руку и поправила на снеговике синее ведро, чуть съехавшее набок. Потом словно снова взяла кого-то за руку и пошла прочь от школы по грушевой аллее. Груши, словно из особого расположения, нежно сыпали на нее снегом. В школе прозвенел звонок.

Тётенька и слон

Всем без исключения Степанам Петровичам посвящается эта короткая повесть

...А сегодня очень хочется рассказать одну замысловатую историю про нашего современника, замечательного Степана Петровича Тётеньку. Конечно, мы могли бы сочинить сентиментальную повесть о том, как Степан Петрович Тетенька повстречал прекрасную Людмилу Сергеевну Дяденька (надеюсь, читатель помнит, что женские фамилии такого типа не склоняются). Можно было бы описать их роман, как они поженились, как родились у них дети, взявшие двойную фамилию Дяденька-Тетенька – или наоборот, Тетенька-Дяденька, как угодно. Но это будет неправда. Тем более что жена у нашего героя уже имелась. Или могли бы наплести поучительную историю о тяжелом детстве Степана Петровича. Но ведь и без того ясно, что иным и не может быть это беспечное, полное радости время при такой-то удивительной фамилии. Однако мы предполагаем в тебе, читатель, ум пытливый, желающий постичь не только и не столько казусы быта, сколько тайны бытия. Поэтому с великим нашим уважением к читателю, а также к Николаю Васильевичу и Михаилу Михайловичу, не желая никого поучать или вводить в сентиментальный соблазн, поведаем правдиво и просто.

Итак, Степан Петрович Тетенька вышел из дому, когда утро только набирало силу. Лунный рогалик еще просвечивал в нежной синей высоте. Как человек твердых принципов и правил, Степан Петрович сначала умылся, ровно две минуты уделив очищению ротовой полости, гладко заправил постель, съел геометрически правильный бутерброд, украшенный веточкой петрушки, и только потом спустился на улицу. Собственно, на улицу он вышел на минутку – опустошить в зеленый облезлый контейнер розовое мусорное ведро. Нельзя жить новый день со старым мусором. Опустошив, поднялся к себе в квартиру и снова – о ужас! – лег спать.

Мы не можем ответить на вопрос, что побудило его улечься спать снова. Это, честно говоря, нас самих изрядно озадачило. Ведь Степан Петрович имел железобетонные устои, согласно которым вставал он всегда в восемь утра, будь то летний день или вьюжный зимний. Скорее всего, в этот раз он сильно не выспался, так как до позднего вечера гладил постельное белье, желая, чтобы к приезду жены оно пахло не только свежестью и чистотой, но и трудами человеческих рук. Или, возможно, он переутомился, играя половину дня в шашки сам с собою. Или вечерние новости произвели на него столь глубокое впечатление, что он ворочался до утра, представляя себе заседание большой восьмерки или космические старты. Впрочем, что бы ни было причиной его недосыпа, нужно сказать прямо – этакое поведение Степана Петровича было из ряда вон. А это навевает нам авантюрную мысль: в этот день в жизни нашего героя должно бы произойти что-то необыкновенное.

Тем более что Степан Петрович, несмотря на свое глубочайшее почтение ко всему правильному и основательному, очень любил также все необыкновенное. Прямо скажем – тянулся к нему с детским задором. Он загорался радостью, когда жена привозила с дачи этакий помидорище или морковку, формой напоминающую нижнюю часть женского силуэта, или когда обнаруживал он на книжной полке книгу со склеенными листами, которую никто до сей поры не прочитал. И он кидался читать фолиант – к слову сказать, книгой был справочник мастера холодильных установок – и приобретал неожиданные теоретические познания.

В его организме любовь к порядку и тяга к удивлению ничуть друг другу не противоречили. Даже напротив, чем больше узнавал Тетенька удивительных вещей, тем более крепла в нем привязанность ко всему правильному. И наоборот, чем более размеренную и четкую жизнь он вел, тем больше удивлялся посторонним вещам. Увидит дерево в лунном свете

или кота на заборе, который смотрит на него, Тетеньку, будто человеческим взором, – и неделю ходит под впечатлением красот и чудес. Тягу к чудесному Степан Петрович всегда подкреплял научным фактом, со всяким трудным вопросом лез в мировую паутину...

Самой большой и неразрешимой загадкой на протяжении долгого времени оставался для Степана Петровича один природный факт: почему же слоны, огромные, неповоротливые, так хорошо плавают. Как же они загребают воду такими ногами-гумбочками? Непонятно. Степан Петрович изучал этот вопрос, но нигде не мог получить достаточно убедительного ответа. То есть ответы у научного сообщества имелись, но по сравнению с масштабом проблемы, которую развернул для себя Степан Петрович, все они казались какими-то ненадежными. Например: у слона много жира, вот он и плавает или – ноги у слона широкие, вот он и загребает ими как следует. Ну что это?! С одной стороны, слон, гигант суши, величие животного интеллекта, а с другой – жир. Тьфу что такое, а не ответ.

Разочаровавшись в научном объяснении, Степан Петрович устраивал народные опросы, мучая знакомых и родственников. Увы, никто не имел сколько-нибудь оригинального объяснения слоновьей плавучести. Въедливый натуралист однако ж не оставлял надежды проникнуть в тайну.

Дело жизни Степана Петровича было ничуть не удивительным и даже более чем прозаическим – он охранял склад готовой продукции. Не то чтобы ему это как-то особенно нравилось. Но охранять, по кодексу Тетеньки, было настоящим мужским делом. Склад имел правильную квадратную форму, что тоже приносило Степану Петровичу некоторое удовлетворение – его обязанностью было обходить территорию по периметру. Он выискивал дыры в заборе и забивал их дощечками, что также давало ему право честно смотреть в будущее. Да, признавался он себе, временами здесь скучновато, даже более того, от скуки выть хочется. Но духом не падал. Тем более что жизнь умудрялась и на службе преподносить Тетеньке удивительные вещи. Раз, прогуливаясь по периметру охраняемого объекта, он заметил в небе необычной формы облака. Они напоминали лежащие и сидящие фигуры. «У природы удивительное чувство юмора, – рассуждал Степан Петрович. – Как смешно видит она нас, людей. Ну ясно, мы для нее ничтожества, и больше ничего». Ему было так приятно думать о величии природы, что он забыл охранять объект. На следующее утро начальник потребовал написать объяснительную, потому что в дежурство Степана Петровича кто-то спер целый ящик готовой продукции. Степан Петрович очень расстроился, ведь железные внутренние правила предписывали держать слово – а исполнение служебных обязанностей (равно как и супружеских, общественных и других прочих) в его кодексе было записано под пунктом: «выполнение обещания». С тех пор Степан Петрович утроил бдительность, не позволяя себе отвлекаться на службе.

Но все же вернемся поскорее к тому дню, который, по нашему мнению, сулил Тетеньке необыкновенные происшествия.

Итак, день выдался ясный и грозил к полудню сделаться жарким. Когда Степан Петрович проснулся окончательно, близилось уже к десяти часам. Он навел посредством компьютера справки о погоде, надел бодрые и аккуратные джинсовые шорты, майку, кепку козырьком назад, повесил на тело маленький цифровой фотоаппарат, замкнул обитую черным дерматином дверь и постучал к соседке. Соседкина дверь робко приоткрылась, на стук просочился на площадку вихрастый курносый мальчик. Степан Петрович решительно взял его за руку, и они зашагали вниз, на улицу. Пошли прямо к автобусной остановке, а выйдя из автобуса, зашагали и дальше. Было воскресенье, и Степан Петрович шел воплощать свою заветную мечту.

* * *

Может вы подумали, что заветной мечтой Тетеньки было украсть соседкиного мальчика? Тогда мы вынуждены вас разочаровать. Степан Тетенька был честным человеком и никогда ничего не крал. Более того, он был человеком законопослушным. Ни за что не переходил улицу на красный и даже на желтый. Ни за что не напивался вдрабадан и не хамил соседям. Ни за что не выплевывал жвачку на тротуар, а только в урну и считал, что за плевание жвачки в общественных местах нужно налагать на граждан крупный штраф. Некоторые вольнолюбцы даже сочли бы его слепым подчиненным государственной воли, деревянным, нерассуждающим человеком, заклеямили бы как врага свободы. Но и у Степана Петровича насчет этих вольнолюбцев тоже имелось свое мнение...

Так вот, Степан Петрович долго и спокойно мечтал о довольно простой вещи. Он мечтал сходить в зоопарк. Но простенькая мечта все никак не могла осуществиться – для этого у него не было детей. А идти в зоопарк без детей Степан Петрович считал нелепицей, стыдбой и кощунством. Потому что разве не безобразие – Степан Петрович гуляет по зоопарку в шортах, рассматривает зверей, дразнит мартышек, кидает булки и морковки в пасть бегемоту? Чудилось в этом Степану Петровичу что-то неестественное. Будто бы проявление чувств на людях, а этого он себе никогда не позволял. С ребенком – дело другое. Приставленный к ребенку взрослый как бы при деле, не праздный гуляка, пусть он даже легкомысленно одет в шорты. Такой взрослый может со спокойной совестью кидать морковку в какую угодно пасть (признаемся, Тетеньке очень хотелось это сделать), как бы показывая ребенку правила прищипывания.

Накануне вечером Степан Петрович разложил гладильную доску, распределил белье по кучкам – наволочки с наволочками, полотенца с полотенцами, аккуратно плюнул на подошву утюга. Слюна подпрыгнула мячиком, зашипела, испарилась. И вот тут-то мечта подкатила куда-то к горлу Степана Петровича. Бороться с нею не было никаких сил. Он сию минуту загрустил синей грустью, от которой негры поют высокохудожественные блюзы, а все прочие банально хандрят, заражая все вокруг болотом. Но тут в квартире отключили электричество. А потом включили. А потом заискрилась вдруг розетка. Степан Петрович метнулся выдернуть шнур, но запнулся и упал. И тут его осенило!

Нам, со своей стороны, кажется, что это были сигналы из космоса, которые время от времени слышит каждый, но не каждый способен им внять. Степан Петрович оказался чутким приемником для космических сигналов. Организм его собрал весь возможный интеллектуальный ресурс – и родилось: сходить к соседке Анне и выпросить у нее ребенка взаймы. Тем более что жена Степана Петровича, которая ни в коем случае не одобрила бы такой поступок, еще в пятницу отбыла на дачу и до ее возвращения оставалось минимум часов десять. У нее были какие-то отдельные, не совсем понятные Степану Петровичу соображения относительно соседок репродуктивного возраста. Скорее всего, она ревновала ко всем женщинам, которые, по ее подсчетам, могли увести Степана Петровича, с тем чтобы родить ему ребенка. Она сама, кандидат в доктора каких-то технических наук, сделав достаточную карьеру в своем научном институте, начинала теперь иногда печалиться из-за отсутствия в их трехкомнатной благоустроенной квартире хотя бы одного ребенка – дабы оправдать социальный статус семьи для их со Степаном Петровичем долголетней связи. Но все же сама не спешила с решительными действиями. И завела пока что, на пробу, пекинеса.

А Степан Петрович был искренне увлечен своей жизнью – удивительными явлениями, пашками, книжками, пробежками, рыбалками. А еще – тайно и безнадежно, потому что в паспорте стояла отметка о данном им слове – Людочкой из соседнего подъезда. Из-за чрезмерной увлеченности жизнью дети так и остались для него малопонятной мелочью, сопливыми

козявками. Когда во дворе выкатывался ему наперерез какой-нибудь представитель козявочьего племени, Степан Петрович сторонился – мало ли чего ожидать, вдруг укусит.

Таким образом если что в соседках и привлекало его, то меньше всего – способность к репродукции. Вот Людочка, например, нравилась ему из-за того, что в ее круглых больших глазах всегда удивительно четко отражались окружающие предметы и сам Степан Петрович – когда здоровался с Людочкой утром возле мусорного бака. У нее тоже была привычка выносить мусор непременно утром.

Итак, Степан Петрович все рассчитал, прикинул, во сколько надо вернуться из зоопарка, чтобы успеть приготовить ужин для себя и супруги, и пошел договариваться с соседкой насчет ребенка.

Соседка Анна, обширная, кудлатая и одинокая работница банковской сферы, в это время пила чай и размышляла о превратностях своей холостой жизни. Степан Петрович пришелся весьма кстати – девать своего мальчишку в воскресенье Анне было совершенно некуда. Поэтому отдала она его с удовольствием. А сама стала строить планы, как провести выходной: для начала – поспать, как недосыпающей работающей женщине, а потом еще и сходить к подруге на булочки, а потом, может, и в кино и, кто знает, может, и на свидание...

«Вот сейчас заберу мальчишку и рвану в зоопарк», – радостно воображал Тетенька утром в воскресенье, доев бутерброд и принимаясь за веточку петрушки. «Вот сейчас, сейчас...» – предвкушал Степан Петрович, выпадая из автобуса и волоча дитя за собою. А оно ныло, требуя сбавить ход. Но Тетенька не сбавлял. А оно ныло. А он бежал и бежал, перебирая короткими плотными ногами, будто на соревнованиях по спортивной ходьбе. Мальчик рассердился, вырвал из дядькиной потной ладони свою ручонку – и категорически отстал. Только тогда Степан Петрович удивленно остановился. Мальчик, этот разрешительный документ для входа в зоопарк, насупился, пыхтел, весь красный, вспотевший, злой. «Странное существо», – подумал брезгливо Степан Петрович. Но ход сбавил. Он был в пяти метрах от осуществления своей мечты.

Козявка, которую арендовал Степан Петрович, входила уже в разумный возраст, и от этого на лице у нее проступало нагловатое выражение. Но Степан Петрович не умел различать выражения лиц козявок, не было опыта. Поэтому он счел, что мальчик родился с таким наглым выражением лица, и прикинул, что отец его, должно быть, подлец и негодяй – потому, что мальчишка нисколько не походил на мать, женщину милую.

Степан Петрович пообещал ребенку столько мороженого, сколько тот сможет съесть. Тогда мальчик уверенно и крепко вцепился в руку Степана Петровича – и тот опять удивился.

* * *

...Не хотелось бы отвлекаться от основного повествования, поскольку оно достойно самого пристального внимания. Но мы чувствуем, что читатель уже несколько напряжен. И догадываемся, что он с минуты на минуты ждет, когда же начнет, по выражению классика, стрелять то самое ружье. Говоря проще, когда же начнутся мытарства героя, связанные со столь необыкновенной его фамилией. В ином случае отчего бы нам не назвать его Степаном Петровичем Егоровым, или Степаном Петровичем Петровым, или, если уж наше авторское самолюбие страдает от затасканности подобных фамилий, Степаном Петровичем Козыдло? Да и вообще современное общество дает нам невиданный размах в свободе наименования. И назови мы героя Джоном Смитом, или Брюсом Уиллисом, или хоть Кларой Цеткин – это будет так же обыденно и никто не усомнится, что он – полноправный российский гражданин.

Но, напомним, мы стараемся, следовать жизненной правде. А правда в том, что Степан Петрович своей фамилией гордился. И гордился вопреки всему. Вот, скажем, занимался он восточными единоборствами, делал успехи – но тренеру было странно, что на кубке области, а то и страны объявят: первое место занял Степан Тетенька, клуб «Восход». Поэтому спортивных успехов юноша не сделал, участвуя, по воле тренера, только в мелких соревнованиях. Однажды на состязаниях, видя, какой он ловкий и сильный, к нему подошел бравый майор и предложил поступить к нему в военное училище. Степан аж загорелся от счастья – как мужественный юноша, он, конечно, хотел защищать родину.

– Как фамилия, курсант? – бравый майор уже достал записную книжечку.

– Тетенька – четко, вытянувшись по стойке смирно, отрапортовал юный Степан Петрович. Майор недоуменно поднял бровь, прикидывая, не пытаются ли его оскорбить или, может, перед ним не парень, а девица – их в наше время не очень-то разберешь.

– Моя фамилия Тетенька, – гордо повторил юноша.

Майор все понял и отчего-то смутился. Пробормотал: ну ничего, ничего. И отошел. И фамилии не записал. И его можно понять: сержант Тетенька, лейтенант Тетенька – это еще куда ни шло, но майор Тетенька, полковник Тетенька, а тем более генерал Тетенька – это уже форменное безобразие. Не разберешь, где тетенька, а где генерал.

К слову сказать, жена Полина Ромуальдовна посчитала, что по ее имени и так ясно, что она женщина, зачем же входить в подробности, да так и осталась Огурцовой.

Так почему бы Степану Петровичу не сменить фамилию, в таком случае? Был бы он Степан Петрович Огурцов, чем плохо? Справедливое замечание, уважаемый читатель. Но мы повторяем, Степан Петрович был человек твердых, мы бы даже усилили – твердокаменных правил. Степан Петрович совершенно не обижался на тренера и абсолютно не расстроился из-за того, что майор не записал его в свою книжечку. Возможно, просто не понял, что фамилия сыграла с ним злую шутку. А вот решение жены его, конечно, огорчило. Ну вот, подумал он, женщина никогда не видит дальше своего фантастически хорошенького носика – такая глупая овощная фамилия останется теперь за ней на всю жизнь. А его гордая фамилия Тетенька, с которой он родился, с которой и подвиги совершит, если придется, и в гроб ляжет в свое время, такая фамилия могла бы украсить анналы технических наук, в которых Полина Ромуальдовна была, без сомнения, дока.

Может быть, именно благодаря фамилии Степан Петрович мог позволить себе твердые принципы и счастливо ясный взгляд на мир. А это, знаете ли, роскошь, доступная в наши неустойчивые времена очень немногим.

* * *

...Итак, Степан Петрович и его маленький спутник подошли к зоопарку. Степан Петрович подумал, что если мальчик потеряется, то нужно будет его покричать, и спросил:

– Как твое имя?

Мальчик назвался Славиком и потащил дядьку к павильончику с мороженым.

Самым желанным местом в зоопарке для Степана Петровича был, конечно же, слоновник. Или, как сам Степан Петрович именовал слоновий дом, слонярник. Он исходил из того словообразовательного казуса, что крупный, сильный, превосходящий других слон есть, по правилам русского языка, слоняра. Именно самый большой слон был пределом интереса Степана Петровича – поскольку чем больше слон, тем, по логике Степана Петровича, он должен хуже плавать. Но наука твердит о противоположном!

Естественно, он не мог наблюдать в слонярнике плавающих слонов, но хотел последить, как они движутся, какая у них шкура, как устроены ноги. Короче, хотел познакомиться с при-

родными данными гигантов – с тем чтобы в дальнейшем делать эмпирические выводы о плавательных способностях самых больших сухопутных животных.

Славик не разделял страсти к слонам и предпочел, конечно же, обезьян, на которых был сам умопомрачительно похож. Свое пятое мороженое он с восторгом скормил макаке с наглой рыжей мордой и категорически отказывался отходить от клетки. Слоны жили в глубине зоопарка, а наши герои за час не продвинулись дальше нескольких вольеров с обезьянами, которые заманивали посетителей на входе. Давно подмечена странная тяга наших сограждан – и не только детей – к этим вызывающим существам. Зверюшки не зверюшки, человечки не человечки. Есть в них какая-то назидательная хитреца природы, которая в какой-то момент заставляет стыдливо отворачиваться от клетки с милыми созданиями – в тот момент, когда они особенно похожи на нас. Вот и Степан Петрович хоть не особенно жаловал обезьян, но стоял и смотрел на них, не отрываясь. Когда парочка мартышек нежно искала друг у друга насекомых, а найдя, сосредоточенно их поедала, наш герой вспомнил свою супругу Полину Ромуальдовну. Фу, содрогался он, если бы они с Полиной Ромуальдовной в приступе заботы нежно выискивали друг у друга, скажем, вошь... Отчего бы вдруг в голову Степана Петровича пришли такие дикие мысли? Отчего представил он Полину Ромуальдовну в такой странной обстановке? Не от того ли, что она смахивала на мартышку? Зная о жене Степана Петровича абсолютно все, заверяем, что от мартышки в ней не было ни одной черты, к тому же она уверенно носила очки и была блондинка, хотя и не натуральная.

Непредсказуемый зигзаг мысли Степана Петровича мы оставим на его совести. Хотя, к чести Степана Петровича, стоит сказать, что подобная нелепая чудаковатая мысль, как обычно, подстегнула в нем волю к порядку и он решил на обратном пути непременно купить жене цветов – то есть поступить так же, как на его месте поступил бы любой приличный муж. Он видел, как бабушка возле оградки зоопарка продавала крупные садовые ландыши.

Когда Тетенька отлепил Славика от обезьяньей оградки, воздух в зоопарке уже начал закисать от испарений и солнца. Мужчина и мальчик пробирались мимо тигров, волков, бегемотов. По дороге отправили в пасть живой цистерне по маковой булке, поскольку моркови поблизости не нашлось. Потом Степан Петрович прочел надпись «Кормить животных строго воспрещается», покраснел и потащил Славика подальше, в глубь зоопарка, где было значительно меньше народу. По дороге мальчик наслаждался видами, дразнил хищников и пакостил, писая в утиный водоем, Степан Петрович находился во власти стыда. Он был буквально выбит из колеи своим проступком, хотя и совершил его по неведению. Незнание закона, однако ж, не освобождает от ответственности – это Степан Петрович знал как дважды два. Он пытался дать оценку своим действиям, определить степень своей вины, в нем работал внутренний следователь – даже два, классических: один хороший, другой плохой. Один его порицал и призывал раскаяться, другой твердил, что все-таки преступление не велико и надо бы себя простить. Славик шнырял под ногами и мешал работе внутренних следователей, снова и снова требуя мороженого.

* * *

Степан Петрович, впрочем, так и не успел принять сторону того или другого следователя, поскольку уткнулся носом в огромный вольер с низкой загородкой. В глазах его помутнело – так он досадовал на себя за опрометчивость: ведь мог же, мог догадаться, что кормить зверей нельзя, что питаются они строго по рациону! Это ведь государственное и научное учреждение! Что если, не дай бог, кто-нибудь задумает отравить бегемота! Или... или слона! Боже, боже! Степан Петрович поднял глаза к небу. На него плыло серое облако, дождевая жирная и дряблая туча и помахивала перед собою длинной серой кишкой, а по обеим сторонам этой кишки трепыхались неровные, оборванные кожистые крылья. Тетенька не сразу понял, что перед ним.

И вот в этом месте, именно в тот момент и произошло то самое, что мы с полной уверенностью могли бы назвать необыкновенным происшествием: сознание Степана Петровича, так же как и его глаза, замутилось – и вновь прояснилось. Обычно так протирают очки – подышат, а потом протрут рукавом или платочком, у кого что найдется. Вновь проясненное сознание Степана Петровича фантастическим образом искажало действительность. Мир потерял обычную геометрию, деревья стали кривее – но красивей, выше и зеленее, небо разлилось безграничной кляксой, но стало синее и глубже. Звери смотрели на Степана Петровича разумно и узнаваемо, вот, мол, ты, Степан Петрович, какой, а мы тебя ждали, ждали, а ты все не приходил, приятно теперь познакомиться. И теперь не отдельные вещи питали удивлением душу Степана Петровича, а самое существование вещей. Ведь раньше он, например, не задумывался, что оно такое – небо, а только увлекался рассматриванием на нем замысловатых облаков. Про деревья он раньше никогда не думал, насколько стары они и что могут помнить чьи-то прикосновения, а только удивлялся прямизне веток, вычурности листвы. Теперь он будто видел на коре отпечатки рук живших когда-то людей. А ногами боязно переступал – парк раньше был кладбищем, и под землей клубились неведомые энергии телесного распада. И все камешки, и все песчинки и лучики слились в бесконечное движение, и от этого Степану Петровичу сделалось с непривычки дурно. А может, его хватил обыкновенный солнечный удар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.